

Я обливался холодным потом, изо всех сил пытаюсь вырваться, но рука Сяо Ланя, словно удав, сжимала меня всё туже.

А пальцы Сяо Ду впивались в меня, не ослабевая, точно волчья пасть, вцепившаяся в добычу.

— Ду-эр, Верховный император нездоров, что ты себе позволяешь?

Пальцы Сяо Ду ни на йоту не ослабли, сжимая так, что кости ныли, и лишь спустя мгновение начали медленно разжиматься.

Я повернулся к Фэй Яню, ища помощи, но сознание уже затуманивалось. Я почувствовал, как Сяо Лань подхватывает меня на руки.

Он сошёл с ума. Совсем.

После недолгого забытья я очнулся.

Подо мной покачивало, над головой колыбался расшитый золотом балдахин с изображением девяти светил. Я находился в императорском паланкине. Рядом сидел Сяо Лань и с улыбкой разглядывал меня, а моя голова покоилась у него на коленях. Я попытался приподняться, но Сяо Лань сжал мою шею. Его острые ногти легонько скользнули по кадыку, и в этом жесте сквозило что-то непристойное и угрожающее. Я холодно усмехнулся, глядя в его чёрные глаза:

— Четвёртый брат, сохрани достоинство.

— Как трогательно, что ты ещё зовёшь Нас четвёртым братом, шестой, — наклонился он. — К чему сейчас эти церемонии? Брат не дружелюбен, младший — не почтителен. Нечего строить из себя. Рано или поздно ты станешь Нашим.

С этими словами его рука скользнула по занавесу, обёрнутому вокруг моего тела. Я вдруг почувствовал себя наложницей, ожидающей императорской милости. Унижение вызвало во мне яростный гнев. Я высвободил одну руку и вцепился в его запястье. Сяо Лань тут же перехватил мою руку, прижал к ложу паланкина, а другой сорвал с меня занавес и выбросил наружу.

Моё тело обнажилось перед ним. Сяо Лань же с видом знатока окинул его оценивающим взглядом, будто оскверняя каждый дюйм кожи.

— Сяо Лин, ты и вправду прекрасен, — проговорил он, снимая с себя верхний лёгкий, как крыло цикады, золотой парчовый халат и накидывая его на меня. — Хотя ты и стал пленником, но выглядишь всё так же величественно. Тебе очень идёт драконье одеяние. Только не на троне, а на Нашем ложе.

Его откровенность повергла меня в тошноту, но я знал — Сяо Лань не шутил.

Тот удар ледяным шаром повредил его разум, разрушил рассудок.

К счастью, Сяо Лань не настолько обезумел, чтобы творить непотребство прямо в паланкине. Меня «почтили» визитом в его покои. Служанки и евнухи подхватили меня и повели по ступеням — на глазах у его наложниц. Наследникам не полагалось покидать императорские покои, и я лишь мельком увидел, как Сяо Ду ненадолго замер у ворот внутреннего сада, а затем вскочил на коня и ускакал.

Императрица Хэ, потрясённая противоестественным поведением Сяо Ланя, подошла с увещеваниями. В ней текла кровь жительниц Яо — она была пылкой и ревливой. Выпятив беременный живот, она выпалила без обиняков, прямо указав на невысказанные намерения Сяо Ланя в мой адрес.

— Ваше Величество, я ваша законная жена, но вы никогда не держали на руках даже меня. Верховный император нездоров, но вам не было нужды нести его в свои покои. Или, быть может, вы намерены потребовать от него ночного служения?

Не успели слова слететь с её губ, как взбешённый Сяо Лань взмахнул рукой и ударил её. Императрица скатилась по ступеням.

Слуги с криками бросились поднимать её. Из-под тонкого платья, расшитого тысячу бабочек, проступила кровь. Её крик разорвал тишину, словно ткань. Сяо Лань же даже не взглянул в её сторону и вошёл в покои, увлекая меня за собой.

Теперь я окончательно убедился: слухи о чудовищных поступках Сяо Ланя после ледяных игр были правдой.

Говорили, что в ночь пробуждения он бредил, собственноручно замучив до смерти в своих покоях десятки служанок и евнухов подсвечником. Он твердил, что это призраки тех, кого убил, последовавшие за ним из преисподней. После расправы он предался пиршеству и до самого рассвета ублажал себя с новыми наложницами и юными фаворитами. Однако днём в тронном зале вёл себя абсолютно нормально, даже слишком. Он сошёл с ума, но не до конца. Он выпустил на волю свою истинную, долго сдерживаемую натуру — ту жестокость, садизм и разврат, что таились в самой его кости. Пророчество отца было верным: на смертном одре он решил, что будущий император царства Мянью станет тираном. Но тираном был не я.

— Сяо Лань... ты понимаешь, что творишь? — задыхаясь, выкрикнул я, когда слуги втащили меня внутрь.

В четырёх углах покоев курились благовония из амбры, но их дымок не мог перебить стойкий запах похоти и крови, от которого меня мутило.

Сяо Лань махнул рукой, приказав слугам уложить меня на императорское ложе.

Это было то самое ложе, на котором я когда-то спал. Теперь же я лежал на нём с руками и ногами, привязанными к четырём столбам.

Над ложем висело медное зеркало. В нём я видел себя, завернутого в золотой парчовый халат, что мог носить лишь император. Но под ним скрывалось моё бледное, хилое, болезненное тело — словно у агнёнка, которого готовятся зарезать.

Сяо Лань взял в руку нож для разделки мяса и направил его на меня.

Мне стало по-настоящему страшно.

Старые министры из правительства не успеют меня защитить. Волчонок, чьи клыки и когти ещё не окрепли, не способен меня защитить.

А я и вовсе не в силах защитить себя сам.

Я ошибался насчёт Сяо Ланя. Ему было не так уж важно, останется ли он в веках как мудрый

правитель.

По крайней мере, сейчас — нет.

Я не желал показывать страх и холодно смотрел в зеркало, прищурившись:

— Сяо Лань, если из-за твоего насилия императрица потеряет ребёнка и пожалуется своей родине, ты понимаешь, как отреагирует царство Яо?

Сяо Лань на миг замер, затем ответил:

— Если Яо отреагирует — тем лучше. У царства Мянью появится повод для вторжения. Мы не таковы, как ты, довольствующийся нынешними границами. Мы давно хотим вырвать эту занозу из горла.

Я усмехнулся:

— Ты хочешь не занозу вырвать, а себе славы стяжать. Сяо Лань, с тех пор как ты взойшёл на престол, ты не выиграл ни одной битвы. Торопишься, не так ли? Жаль, но эту занозу тебе не вытащить. Попробуешь — лишь кровь прольёшь, да голодных зверей с запада на свою голову накличешь...

— Как Нам править, не тебя учить, — Сяо Лань вцепился мне в подбородок, наклонился, и холодные нефритовые чётки упали на мою обнажённую грудь. — Ты всегда был таким самонадеянным. Воображал себя избранным Небом, да и отец на тебя больше всех надеялся. И чем всё кончилось? Ты и твоя империя оказались в наших руках. Ты был занят войной с вдовствующей императрицей, первым, вторым, третьим братьями... а на Нас, этого ничтожного ничтожество, и внимания не обратил. Ошибка.

Я опустил веки, не желая спорить. Испокон веков находились императоры, что десятилетиями терпеливо ждали трона, а взойдя на него, являли миру свою тиранию, самодовольство и разврат. Сяо Лань был живым тому примером.

Рано или поздно он сам себя погубит. Нужно лишь... перетерпеть. Выдержать.

Но как, скажи, выдержать?

— Знаешь, что в тебе самое пленительное? — Сяо Лань распахнул халат, охватив мои худые плечи. — Сяо Лин, это твоя врождённая царственность. Даже лежа на Нашем ложе, ты смотришь свысока, будто всё ещё в драконьем одеянии восседаешь на троне, принимая поклонение толпы. От одного вида кровь играет.

— Бесстыдник!

Я прошипел, но мой крик был заглушён его губами.

Он вставил большой палец с нефритовым кольцом между моих зубов, а его язык, словно змеиное жало, проник в рот. Я стиснул коренные зубы, не пуская его дальше, но не мог помешать его руке, что скользила вниз по моей шее.

— Сяо Лин, откуда у тебя такая гладкая, словно у отполированного нефрита, кожа? Нежная, как у шестнадцатилетней наложницы?

— С таким ликом и станом как ты вообще на поле боя сражался?

— Разве варвары за стеной не думали, что император царства Мянью — прекрасная дева?

Его слова были унижительнее самих действий. Я дрожал от ярости, меня душил кашель, а он, пользуясь этим, становился всё наглее. Он перевернул меня, приподнял за талию, придав унижительную позу.

— Кх-кх! — Я стиснул зубы, но слёзы уже струились по моим растрёпанным волосам. — Кх... Мы оба императорские отпрыски рода Сяо. За такое... тебя громом поразит, умрёшь ты не своей смертью!

Сяо Лань рассмеялся ещё бесстыднее:

— Сяо Лин, твоё холодное, надменное лицо, облитое слезами, — зрелище, от которого сердце замирает.

С этими словами он откинул полы моего халата.

Внезапно снаружи донёсся крик, и к покоям устремилась беспорядочная толпа.

<http://bllate.org/book/15952/1426335>